

ГРАВИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СУРГУТСКИХ БЛЯХАХ

В составе находок бронзовых вещей городища Барсов городок 1/9, предварительно датированного I в. н. э.¹, имеются три дисковидные бляхи плоского и плоско-выпуклого сечения. Их гладкие шлифованные поверхности украшены изображениями, нанесенными на металл способом процарапывания. Всего изображений пять; на двух бляхах они нанесены с обеих сторон (см. рис., стр. 122).

Гравированные металлические изделия известны в археологии Приобья относительно давно. В. Н. Чернецов отмечал, что находки изображений на металлических дисках, древних зеркалах и серебряных блюдах характерны в основном для низовий Иртыша и Оби. Датируются они периодом «...от середины I тыс. до н. э. до рубежа I и II тыс. н. э.»²

На сургутских бляхах награвированы одиночные и парные антропоморфные фигуры, в ряде случаев в окружении зооморфных существ. В изображении всех фигур использован общий художественный прием, выражающийся в схематической передаче образов. В столь же условной манере переданы органы их внутреннего строения — в виде ромба, от которого к горлу идет «линия жизни». Ребра переданы косыми штрихами. Окружа-

¹ И. Н. Сосновкин, В. П. Коротаев. Клад бронзовых вещей городища Барсов городок 1/9. См. в настоящем сборнике.

² В. Н. Чернецов. Наскальные изображения уральского ареала. В сб. Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, стр. 38.

ющая природа представлена крайне скупо — условным изображением растительного покрова.

Этот изобразительный прием отличается большой временной устойчивостью и прослеживается в искусстве Приобья на самых различных ступенях развития: его можно видеть как на поделках Усть-Полуйского времени (например, в изображении волков из Истяцкого клада³), так и в современной графике хантов и манси. Аналогичный прием использовался в наскальных рисунках Томских писаниц⁴ и петроглифах Норвегии, у американских индейцев племени пуэбло и в австралийской живописи на коре.⁵ Вероятно, появление этого приема следует связать с зарождением у людей одинаковых первобытных представлений.

Обобщенная передача образа живого существа и ландшафта исходит из общей эволюции изобразительного искусства в древности. Замена первоначального реалистического стиля абстрактно-схематическим, основанная на доскональном знании окружающей природы, стала возможной лишь в связи с появившейся способностью к отвлеченному, абстрактному мышлению.

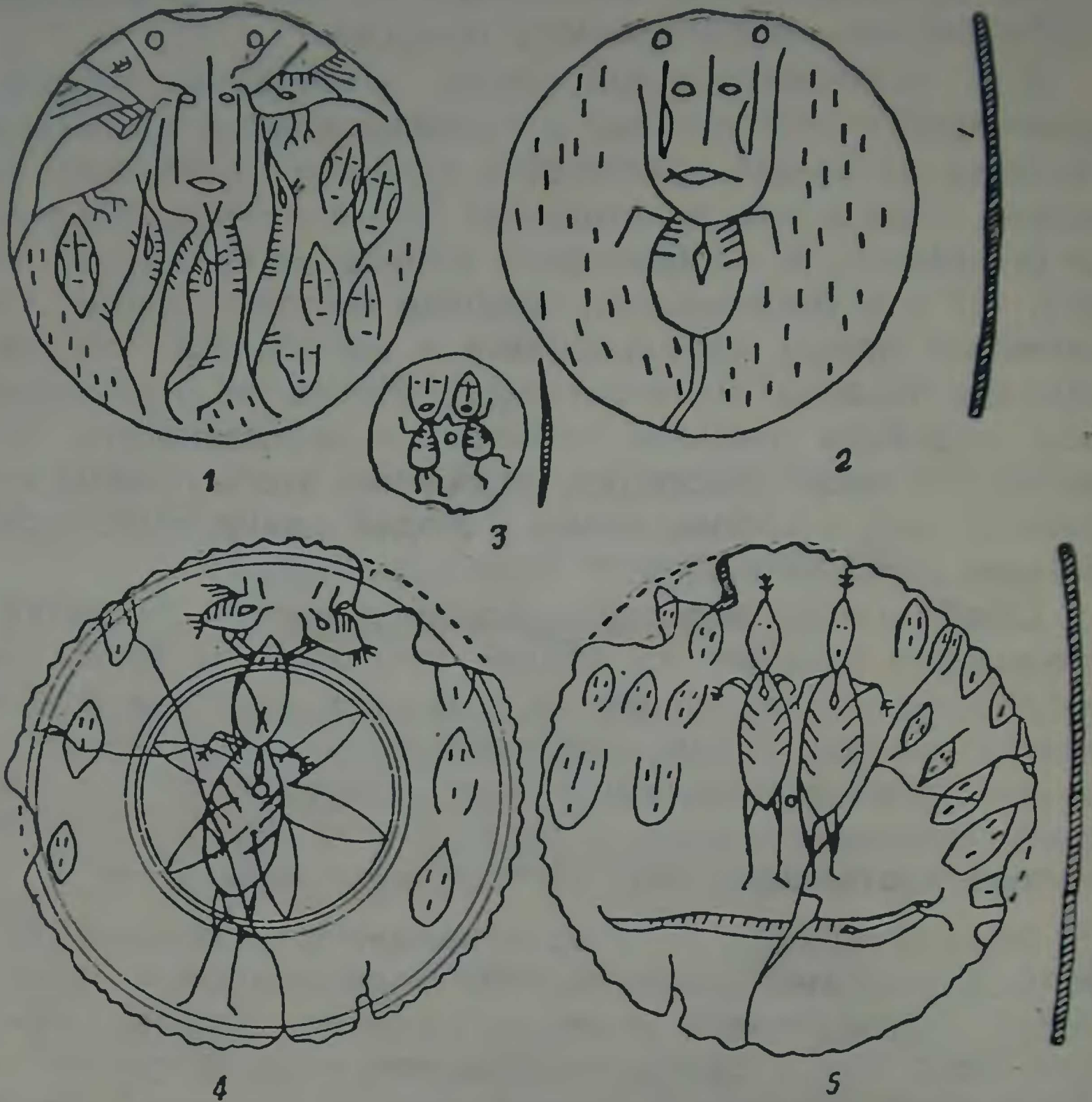
Эта способность, в свою очередь, предполагает дальнейшее развитие религиозного миропонимания, в частности, зарождение и развитие местных клуьтовых представлений, что в сфере изобразительного искусства выразилось в абстрактно-схематической трактовке образов мифических героев, невидимых духов и различных проявлений сверхъестественных сил.

Являясь образцом памятников культового назначения, сургутские бляхи, вместе с тем, могут служить примером неразрывной связи изобразительного искусства угорских племен с их производственной и общественной деятельностью, с их общими бытовыми и культурными традициями. На ранних ступенях развития человеческого общества «...художник творит в полном согласии с устоявшимися представлениями, и в этом смысле каждое его из-

³ В. Н. Чернецов. Бронза Усть-Полуйского времени. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА, № 35, М., 1953. Табл. XX—5, 8; табл. XXII—1—4.

⁴ А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. М., 1972.

⁵ В. Б. Мириманов. Малая история искусств. М., 1973, стр. 173—174.

Гравированные изображения на сургутских бляхах

делие является выражением не частного, личного, но общего коллективного взгляда на мир».⁶

Бляха № 1. Выпуклой формы, диаметр 9,5 см. В верхней части просверлены два отверстия. На выпуклой стороне (рис. 1) — несколько антропоморфных и зооморфных фигур, безусловно, единых в композиционном плане. В центре диска изображена антропоморфная фигура с непропорционально большой головой и туловищем в виде овала, руки и ноги отсутствуют. Нос трактован прямой линией протяженностью в $\frac{2}{3}$ лица. По краям лица, параллельно носу, проведены две линии. Глаза овальные.

В верхней части поля, непосредственно у головы, справа и слева от нее, помещены изображения двух птиц

⁶ В. Б. Мириманов. Ук. соч., стр. 56.

(слева более крупная) с характерными для хищников когтистыми лапами. Рисунок птиц очень схематичен — головы нет, хвост выполнен в виде линии. На условно обозначенных крыльях прорисованы «глазки», назначение которых неясно. От нижней части бляхи вверх, по обеим сторонам антропоморфной фигуры и ее туловищу поднимаются три пресмыкающихся. Тела у них сзади суживаются и оканчиваются хвостом, который выполнен также в виде линии. Передняя часть тела раздваивается, условно изображая разинутую пасть. Остальная часть диска справа и слева от пресмыкающихся заполнена антропоморфными личинами и небольшими, вертикально расположенными штрихами, служащими средством изображения растительного фона.

На вогнутой стороне первой бляхи (рис. 2) нанесена фигурка человека с непропорционально большой головой, с лицом в виде усеченного овала. На лице процарапаны длинный нос, овальный рот и глаза. Две линии с небольшими овальными утолщениями, тянущиеся по краям лица, подчеркивают скуластость, т. е. специфические черты какого-то определенного физического типа людей. Остальная часть диска также заполнена штрихами.

Бляха № 2. Плоская, с отверстием в центре. Диаметр 3,5 см (рис. 3). В центральной части шлифованной поверхности нацарапаны мужская и женская фигуры в танцевальной позе; ноги согнуты в коленях, ступни развернуты в стороны.

Бляха № 3. Выпуклой формы, с волнистым краем, толщиной около 1 мм и диаметром 11,5 см. На выпуклой, более тщательно отшлифованной стороне (рис. 4), поверх шестилепестковой розетки, вписанной в концентрические окружности, изображена антропоморфная фигура. Она выполнена в более реалистической манере — имеет пропорциональную голову, на руках прорисованы пальцы, толщина рук и ног обозначена двойными линиями. Глаза и рот переданы небольшими вертикальными линиями, нос отсутствует.

В верхней части диска помещены рисунки двух птиц с крыльями и хвостом. Изображения птиц и антропоморфной фигуры здесь также составляют единую композицию: птицы соединены с головой антропоморфного существа двойными линиями. В средней части поля, спра-

ва и слева от центральной фигуры, расположено, как и на первой гравировке, шесть антропоморфных личин.

На вогнутой стороне, в центре, изображены мужская и женская фигуры, выполненные в той же манере, но с косами на голове (рис. 5). Обычай ношения кос не только женщинами, но и мужчинами «...появился в Приобье, видимо, в усть-полуйское время... и среди хантов и манси в некоторых местах не исчез и поныне».⁷

Гравированные изображения на сургутских бляхах содержат интересные материалы, позволяющие в какой-то мере реконструировать уровень идеологических представлений древних обитателей Приобья.

Наиболее общая характеристика художественных образов, содержащихся в произведениях изобразительного искусства племен Среднего и Нижнего Приобья, приводится в одной из работ В. Н. Чернецова: «В тесном переплетении с этими образами находится представление о борьбе фратриальных и родовых духов предков, в их темном... осмыслении с несущими людям болезнь и смерть духами нижнего мира».⁸

Особенность мышления древнего человека состояла в том, что он не отделял себя от окружающей природы и отождествлял себя с ее явлениями. На основе превратных, фантастических представлений человек наделял себя возможностью вызывать природные явления и, с другой стороны, наделял силы природы способностями и возможностями, свойственными только человеку.

Выражением этого общего представления является одна из самых ранних форм религии, получившая название тотемизма. Человек был убежден в существовании связи с каким-либо животным, растением, даже неодушевленным предметом. По всей вероятности, исходным моментом тотемистических воззрений послужило представление о том, что все члены родовой группы происходят от общего мифического предка — какого-то определенного животного, растения, предмета, т. е. их тотема.

Трудовая деятельность первобытного человека, его зависимость от природы обуславливали двойственное отношение к природным явлениям. Зарождается представление о полезных и вредных, благоприятных или неблагоприятных явлениях.

⁷ В. Н. Чернецов. Усть-Полуйское время в Приобье. МИА, № 35. Стр. 235.

⁸ В. Н. Чернецов. Бронза Усть-Полуйского времени. Стр. 140.

гоприятных, добрых и злых силах природы. Вместе со страхом перед непонятными, злыми силами, возникает стремление расположить их к себе, умиловить, привлечь на свою сторону. Появляется культовое поклонение добрым и злым силам, что могло выражаться в различных приношениях и жертвах.

Новое содержание приобретают и первоначальные тотемистические воззрения: родовой тотем становится покровителем и защитником рода, он борется с враждебными силами и поэтому становится особенно близким и дорогим для сородичей. В эту же историческую эпоху получает развитие культ природы — поклонение тем ее силам, которые имели наибольшее производственное значение. Большое распространение приобретают культы земли, воды, огня, деревьев и т. д. Среди них видное место занимают и культы космических сил, в первую очередь солнечные и лунные.

Наиболее содержательными из сургутских гравировок являются композиционные сцены, иллюстрирующие борьбу представителей «верхнего» мира (птиц) с представителями «нижнего» (подземного, подводного) мира.

Образ хищной птицы появляется в Приобье во второй половине I тыс. до н. э. В. Н. Чернецов связывает его с распространенным в фольклоре хантов, манси и ненцев мифом о Крылатом, или Небесном Карсе.⁹ По ненецким сказаниям Карс живет на священном дереве, в ветвях которого растут также солнце и луна.

В мансийском фольклоре, в цикле сказок об Эква-Пырище говорится о том, что гнездо четы Карсов расположено на гигантской лиственнице, растущей посередине моря. У подножья дерева живут змее-ящероподобные существа, враждебные Карсу.

По отношению к людям Карс выступает по-разному. В сказке «Про Эква-Пырище и Крылатого Карса», записанной В. Н. Чернецовым,¹⁰ Карс разрушает дома и пожирает людей, но когда герой сказки убивает обитателя враждебной стихии — железную лягушку — Карс в благодарность ему отказывается есть человеческое мясо. В

⁹ В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Труды института этнографии, новая серия, Т. I. М.-Л., 1947.

¹⁰ Там же. Стр. 129.

в дальнешем мире называет героя своим внуком («внучок») и оказывает ему различные услуги.

Особенно удачно выражено противоборство враждебных миров на выпуклой стороне первой бляхи (рис. 1). Единство изображенной здесь композиции обнаруживается не только в расположении антропоморфной фигуры рядом с рисунками птиц и пресмыкающихся, но и в экспрессивной трактовке «гадов», поднимающихся вверх с угрожающе разинутой пастью.

Изображения, подобные описанному, довольно редки. В целом для изобразительного искусства угорских племен более обычной является статичная трактовка враждебных стихий. Именно такое изображение содержат четвертая и пятая гравировки, на которых описанная выше динамическая сцена борьбы заменена условным размещением зооморфных фигур — представителей «верхнего» мира, птиц, сверху, а «нижнего», «гадов» — внизу. Видимо, не случайно, что птицы на гравировках оказываются связанными близостью с людьми — в первом случае они изображены непосредственно у головы антропоморфной фигуры, а во втором эта связь усилена предельно простым и ясным художественным средством — соединением птиц с головой человека двойными линиями (рис. 1, 4). Вместе с тем, крайне условная трактовка человеческой фигуры (рис. 1), отсутствие признаков, характеризующих движение, говорят о пассивной роли человека в происходящих событиях, о его страхе перед враждебными силами. Антропоморфные личины, включенные в композиции 1, 4, и 5 гравировок, подчеркивают важность происходящего для всего коллектива родовой группы.

Существуют различия в трактовке антропоморфных личин 1, 2, 3 и 4, 5 гравировок. В изображении личин в первом случае характерна горизонтальная ориентация глаз и рта и передача носа длинной прямой линией, во втором случае — вертикальная ориентация, причем нос совсем не обозначался (за исключением двух случаев). Различаются также и изображения птиц на 1 и 4 гравировках. Варианты трактовки антропоморфных и зооморфных существ сложились, вероятно, в рамках двух первобытных коллективов, внутри которых, в процессе эволюции изобразительных форм, эти трактовки образов стали обязательными, общепринятыми.

Во всех гравировках прослеживается различная конфигурация овала лица. По этому признаку все личины можно разделить на три иконографических типа: 1) лицо в виде замкнутого овала; 2) в виде овала, усеченного сверху; 3) в виде овала, усеченного в нижней части. Не исключено, что посредством такого приема древний художник изображал представителей родственных коллективов. В таком случае, мужская и женская фигуры в танцевальной позе на второй бляхе (рис. 3) могут служить свидетельством существования парной семьи, предполагающей фратриальное деление местного общества в эпоху раннего железного века.¹¹

Заслуживает внимания характерная деталь: на трех из шести личин первой гравировки, а также на лице антропоморфной фигуры второй гравировки (в отличие от изображения лица на других рисунках) имеется овальная линия, подчеркивающая скуластость изображаемых людей (рис. 1; рис. 2).

Палеоантропологические исследования, произведенные на материалах Западной Сибири, свидетельствуют о взаимодействии на ее территории двух этнических компонентов: лесных монголоидов и степных европеоидных племен. Контакт лесного и степного населения начался еще в неолитическую пору и приводил к возникновению переходных форм. Слияние этих двух компонентов завершается в I тыс. н. э. Если поздние (XI—XVIII вв.) серии черепов, происходящих из Западной Сибири, совершенно определено соотносятся с современными хантами, селькупам, тюрками, то более ранние характеризуются большой пестротой типов.

Так, черепа VII—X вв. из курганов Среднего Приобья свидетельствуют о наличии монголоидности: у них большой скуловой диаметр, уплощенность лица, слабое выступание носовых костей. В то же время прослеживаются и европеидные черты: рельефность лба, низкое лицо и глазницы. Совокупность всех признаков позволяет отнести черепа к уральскому расовому типу.¹²

¹¹ См. В. Н. Чернецов. Фратриальное устройство обско-югорского общества. Советская этнография, № 2, 1939.

¹² Н. С. Розов, В. А. Дремов. Материалы палеоантропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э. Советская этнография, № 5, 19. Стр. 166.

Аналогичные особенности отмечены И. М. Золотаревой при обследовании черепов III—V вв. н. э. из района Андреевского озера близ Тюмени.¹³ Если отмеченная особенность на гравировках первой бляхи действительно имеет отношение к характеристике физического облика изображенного человека (говорить об этом с уверенностью трудно вследствие ограниченности материалов), она, таким образом, является показателем незавершенности процесса этногенеза в среде местных племен первых веков нашей эры.

Дальнейшее накопление и изучение материалов, так или иначе отражающих идеологические представления древних обитателей Приобья, позволит делать более категоричные суждения и по некоторым другим вопросам, затронутым в настоящей публикации.

¹³ И. И. Золотарева. Черепа из Перейминского и Козловского могильников. МИА, № 58. М.-Л., 1958.

